Наталья Калинина

Яблоневый сад для Белоснежки

Наталья Калинина

Яблоневый сад для Белоснежки

«Калинина Наталья»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Н. Д.

Яблоневый сад для Белоснежки / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2016

ISBN 978-5-699-87825-3

Ах, судьба! То мать, то мачеха! Поднесет она тебе на блюдечке с голубой каемочкой румяное яблочко, глядишь – а оно оказалось отравленным… Разве могла наивная Даша хотя бы подумать, что состоятельный испанец, выбравший ее из сотни девушек, ищущих счастье в брачном агентстве, скрывает страшную тайну? Вот она уже в Барселоне, и любящий муж сдувает с нее пылинки. Жизнь прекрасна… если бы не странности большого старого дома: комната, в которую нельзя заходить, таинственная музыка по ночам, крики, стоны, звон бьющейся посуды… Что же стоит за всем этим? Девушке придется либо разобраться во всем, либо погибнуть. Книга также издавалась под названием "Паэлья от Синей Бороды"

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87825-3

© Калинина Н. Д., 2016
© Калинина Наталья, 2016

Содержание

I 6
II 12
III 23
IV 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Наталья Калинина
Яблоневый сад для Белоснежки

© Калинина Н., 2016
© Исаева О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

I

«Когда-нибудь и на нашей улице опрокинется грузовик с шоколадными пряниками!» – назойливо крутилась в голове фраза сомнительной оптимистичности, горячо любимая моей подругой Веркой, когда я сходила с трапа самолета на чужестранную бетонку. Испания встретила солнцем, сиявшим с безупречно-синего неба с такой жизнерадостной простотой, что заподозрить его в каком-либо подвохе было бы сущим кощунством. Тогда как в России оно не подарило мне даже скудной прощальной улыбки.

Справиться с волнением оказалось сложно. Оно, ненадолго обезоруженное приветливым солнцем, вновь вернулось к боевой готовности, когда я в длинной очереди туристов ожидала паспортного контроля. И вместо того чтобы спокойно стоять на месте, я вертела головой по сторонам, то и дело одергивая куртку и подтягивая джинсы. Чем вызвала любопытство таможенника, отчасти переходящее в подозрение. Он долго изучал мой паспорт, бросая на меня строгие взгляды, и наконец что-то спросил. Что – непонятно: мой испанский, который я самостоятельно изучала дома, хоть и сдвинулся с нулевого уровня, но до свободного разговорного еще не дорос.

Таможенник повторил вопрос по слогам, но я смущенно развела руками: простите, не понимаю.

– Куда ви? – с жутким акцентом спросил он. Подозреваю, ему пришлось выучить эту фразу не только на русском языке.

– А! К мужу. А… ми маридо. Да. То есть «си», – ответила я и для пущей убедительности потрясла перед окошком рукой с обручальным колечком. Таможенник ничего не ответил и наконец-то поставил в мой паспорт штамп.

«А с испанским у тебя, Дарья, бо-ольшие проблемы, – ехидно отозвался внутренний голос. – Как же ты будешь с мужем общаться?» – «Как-нибудь… Как раньше», – отмахнулась я от собственных сомнений, выходя в просторный зал барселонского аэропорта Прат. Какие тут могут быть сомнения, когда, со слов все той же Верки, на моей улице рассыпалось шоколадно-пряничное содержимое кузова не одного грузовика, а каравана фур. Выйти замуж за обеспеченного европейца, который пылинки с тебя сдувает, – это, по мнению моих подруг и коллег, лотерейный билет с Гран-при.

Толкая перед собой тележку с чемоданом и сумкой, я вышла в зал ожидания и завертела головой, отыскивая в толпе встречающих Антонио.

– Ола, гуапа![1] – раздалось справа. И мой муж без старомодной робости заключил меня в объятия. Мой муж… Все еще непривычно, что этот мужчина, с которым я познакомилась не так давно и с которым мы до свадьбы виделись слишком мало, – мой муж. Муж мой. Я мысленно, как леденец во рту, катала эти два слова, меняя их местами и снова выстраивая в нужной последовательности, все еще удивляясь их необычному «вкусу», привыкая к нему и не отваживаясь решить, нравится ли он мне или нет.

– Ола! – отозвалась я и стеснительно сомкнула руки за его спиной. От Антонио пахло одеколоном, запах которого очень подходил ему: не прозрачно-свежий, как легкомысленная юность, а выдержанный, словно коллекционное вино, с классической можжевеловой нотой и терпкостью мускатного ореха. Такой же зрелой и классической была его красота.

Мы с ним представляли собой довольно колоритную пару, выигрывающую на контрастах: Антонио старше меня почти вдвое, а моему облику излишнюю инфантильность придавали белесые, сильно вьющиеся волосы, которые Верка называла «одуванчиковым пухом», веснушки на носу и худые, как у подростка, коленки.

---

[1] Привет, красивая! (*Исп.*)

– Как ты? – спросил Антонио меня на испанском. Надо отдать ему должное: он старался подбирать для меня наиболее простые фразы и произносил их чуть ли не по слогам.

– Хорошо.

– Идем?

– Да.

Семеня следом за Антонио (мужем называть его еще было слишком непривычно) к машине, я чувствовала себя маленькой девочкой, которую отец повел на воскресную прогулку в парк. И хоть это был мой второй приезд в Испанию, я вертела головой по сторонам, будто все видела впервые: умиляли и удивляли пальмы, казавшиеся мне особо экзотичными в это время года – в конце октября. Когда-нибудь они станут для меня обыденными, а в восхищение, переходящее в ностальгию, будут приводить российские березки. Но сейчас, задирая голову, чтобы лучше рассмотреть высокие разлапистые верхушки, которые лениво трепал южный ветер, я улыбалась во весь рот. И Антонио, оглянувшись, чтобы проверить, не отстала ли я, весело бросил мне:

– Гуапа!

Красивая. Открытые дружелюбные испанцы не скупятся на комплименты, это я поняла еще в свой первый приезд.

Переглядываясь и дурашливо улыбаясь друг другу, мы погрузили в багажник синего «БМВ» мои вещи и отправились в путь.

Мы неслись по скоростной автомагистрали куда-то на север от Барселоны под аккомпанемент льющихся из магнитолы испанских песен, время от времени прерываемых журчащим каталонским наречием радиоведущего. Мы не разговаривали, лишь иногда молча переглядывались, и я, от напряжения сжимая ладонями собственные колени, затянутые в грубую джинсовую ткань, стеснительно улыбалась Антонио. Все слова, фразы, которые я учила на испанском языке и репетировала перед отъездом, забылись. И из восьми уроков, повторенных в самолете, мне запомнилась только дурацкая фраза: «Это кот. Кот находится под столом», не имеющая к встрече с Антонио – *моим мужем* – никакого отношения. Вот если бы в машине чудесным образом оказался стол, а под ним – кот, тогда, наверное, я смогла бы порадовать мужа (а еще больше – себя) познаниями в языке.

– Как ти? – спросил по-русски Антонио, встревоженный моей видимой нервозностью.

– Хорошо, – кивнула я и призналась: – Ничего не помню из испанского языка!

Муж, не отрывая взгляда от дороги, чуть склонил голову влево, прислушиваясь ко мне. Он, похоже, не понял мою фразу. Его русский хоть и был лучше моего испанского, но тоже лишь тщетно тянулся на цыпочках до свободного разговорного уровня. Беда. «Беда», – повторила я про себя и, вздохнув, отвернулась к окну. Как всегда. В первые мгновения встречи мы с Антонио переставали понимать друг друга. И излишнее стеснение лишь усугубляло наше языковое фиаско. Но через некоторое время мы находили общий язык – в буквальном смысле слова.

Пейзажи за окном не были такими однообразно-березовыми, как если бы мы ехали русской дорогой. Густые, невероятно изумрудные в конце октября леса (кое-где осенняя желтизна все же коснулась листвы, дав легкий намек на календарную осень, но эта желтизна не отливала золотом, как в России, а была скучно-коричневого оттенка) сменялись такими же зелеными полями, которые обрывались аккуратными торгово-промышленными зонами – маленькими, словно карманными, фабриками и соседствующими с ними огромными павильонами коммерческих центров. И не успевала я как следует рассмотреть вывески на них, как мой взгляд уже упирался в неожиданно выросшую гору. Равнины здесь проигрывали в счете горам и даже не пытались взять реванш. Горы, горы, горы – куда ни посмотри. Горы, закутанные в зеленые меха лесов. Горы, чьи острые верхушки горделиво, как коронами, украшены старыми, что дух захватывало от их древности, каменными развалинами, бывшими когда-то за́мками или церквями.

«Жилые» горы, как я их про себя окрестила, с пуэблами – испанскими деревнями. Такие горы, словно новогодние елки, были усыпаны до самых макушек беспорядочной россыпью красно-белых домиков. Горы оставались позади, и я видела уже другие поселки, занимающие не акробатические висящие позиции вдоль склонов, а выстроенные на привилегированных равнинах. Такие пуэбла четкостью линий напомнили мне макетные городки. Нередко попадались одинокие дома, особняком стоявшие на краю поля. Двух- трехэтажные, но казавшиеся приземистыми из-за массивных каменных стен, вдавливающихся своей тяжестью в землю. И, как правило, старые настолько, что их возраст смело можно считать не десятками лет, а столетиями. Какие-то дома были жилыми: я видела припаркованные машины, белье на веревках. Но часто попадались дома полуразрушенные, заброшенные. Видимо, прежние хозяева, устав от отшельничества, подавались жить в город, оставляя свои жилища медленно умирать. И чем дальше мы удалялись от Барселоны, тем чаще встречались такие запущенные хозяйства. Внезапно мне пришло в голову, что дом Антонио может оказаться особняком, затерявшимся где-то между полями, лесами и горами. И я повернулась к мужу так резко, что он, отвлекшись от дороги, вопрошающе вскинул брови.

– Нет, нет, ничего, – замотала я головой.

К моему облегчению, мы вскоре свернули на дорогу, подъемами и впадинами напоминающую «американские горки», что вела к видневшемуся вдали пуэбло. Значит, не домик в поле, а «домик в деревне». Уже хорошо, хоть и далековато от населенной, более близкой мне, экс-жительнице мегаполиса, Барселоны.

Мы проехали почти весь поселок, в котором мне ничего не запомнилось: он закончился прежде, чем я успела что-либо рассмотреть. И, вынырнув из желоба узких улиц на резко раскрывшееся ладонью пространство, промчались через небольшую коммерческую зону с бензозаправкой и павильоном, торгующим керамикой, поле (все же поле! Не «домик в деревне») к огороженной каменным забором с вьющимся по нему плющом домине.

– Это – дом, да, – чуть ли не впервые за всю дорогу открыл рот Антонио. В его голосе послышались и плохо скрываемая гордость (а гордиться было чем: дом внушал уважение и своими размерами, и древностью стен), и беспокойство, а понравится ли мне это место.

Понравится. Я в этом не сомневалась. Оно мне уже нравилось потому, что казалось таким экзотичным.

Мы прошли небольшой двор, миновали арочную дверь и очутились в квадратной прихожей, освещенной вмонтированными в каменные стены светильниками, напоминающими старинные газовые рожки. Как я потом заметила, такие рожки освещали и коридоры, и лестницы, и гостиную. Прихожая была почти пуста, если не считать скамейки, старинного высокого комода из темного, почти черного дерева и висящего над ним зеркала в оправе в тон комоду. Две лестницы по обе стороны прихожей вели наверх, и я, с любопытством оглянувшись на одну из них, подумала, покажет ли Антонио мне дом. Он, поняв мой взгляд, засмеялся:

– Вамос![2]

За дверью передней оказалась кухня-столовая, длиной и антуражем похожая на залы таверен из исторических фильмов. Длинный деревянный стол, накрытый парадно-белой тканой скатертью, и расставленные по его периметру стулья количеством не менее двадцати. Старомодный буфет с вполне современным сервизом. Голые, как и в прихожей, стены, на коих в качестве декора развешаны старинные предметы кухонной утвари. Мне казалось, что в помещении из голого камня должно быть холодно и сыро, однако стены толщиной почти в метр надежно хранили тепло, источником которого был камин, сейчас не растопленный, но с сохранившимся в нем пеплом от недавней топки. Я в восторге вертела головой по сторонам, восхищаясь столь точно сохранившейся обстановкой старины, не идущей, к моему удивлению, враз-

[2] Идем! (*Исп.*)

рез с современной техникой, какой была напичкана маленькая кухня в дальнем углу столовой. То ли Антонио обладал столь отменным вкусом, то ли здесь поработал хороший дизайнер, но, без сомнения, удалось добиться отличной гармонии антикварных вещей с современными.

Не успела я оглядеться тут как следует, как муж ввел меня в следующее помещение – огромную гостиную, соседствующую со столовой. Как и прихожая, гостиная была почти лишена мебели. Только глубокие диваны, расставленные вдоль трех стен, и каменный стол. На нем – телевизор и DVD. Не удержавшись, я со священным трепетом тронула стену – словно прикоснулась к святыне. Впрочем, этот дом и был самой что ни на есть старинной реликвией. По письмам Антонио я пыталась и раньше представить его себе, но все равно мое воображение проиграло.

Антонио, не произнося ни слова (они тут и не были нужны, могли бы ненароком разрушить наваждение погружения в другую эпоху, полную тайн), с улыбкой повел меня дальше. Мы вернулись в прихожую и вошли в дверь, расположенную под одной из лестниц. Я пригнула голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, и мысленно отметила, что впредь надо быть осторожной: притолоки не везде были рассчитаны на мой стосемидесятичетырехсантиметровый рост. Комната оказалась бильярдной. Я не умела играть в бильярд и поэтому не могла в полной степени оценить прелесть и необходимость бильярдной, но, судя по выражению, застывшему на лице мужа, он ожидал от меня радости. И я, соответствуя его ожиданиям, засмеялась, выражая свой восторг.

– Идем туда, да? – Антонио указал пальцем наверх, и я кивнула. Да, конечно, мне хочется осмотреть весь дом.

Ступени лестницы, по которой мы поднимались на второй этаж, оказались выщербленными, со стертыми покатыми краями. Они были неудобны, но внушали уважение к своему возрасту. Антонио мне писал, что при реставрации дома решил одну лестницу заменить на новую, потому что некоторые ступени были разрушены, но вторую оставил как есть, отреставрировал лишь перила и верхнюю площадку. Мы поднимались по старой лестнице.

Второй этаж оказался современным, здесь произвели глобальную реконструкцию. Я обратила внимание, что стена, отделяющая лестничную площадку от салона, тонкая и не каменная, значит, новая.

– Ремонт, – кивнул Антонио, подтверждая мои мысли о том, что раньше этой стены не было.

– Это мой кабинет, – сказал он по-русски, когда мы вышли из салона в узкий коридорчик. И открыл передо мной первую дверь. Внутрь мы не стали заходить, я лишь окинула взглядом помещение, заметив рабочий стол с компьютером и книжный шкаф. Кабинет как кабинет. Я не посягаю на него.

По коридору дальше находилась спальня. *Наша* спальня. Разглядывая огромную кровать, то ли старинную, то ли специально сделанную «под старину» – высокую, с металлическим каркасом, декорированными завитушками и лепестками, я испытала некоторое беспокойство и волнение, думая о предстоящей ночи. Хоть мы с Антонио были мужем и женой уже не только по документам, от последней (и второй по счету) нашей «супружеской» ночи до предстоящей пролегла пропасть в два месяца и почти в четыре тысячи километров. Километры между нашими странами. Два месяца, которые мы жили врозь, каждый в своей стране, ожидая, когда будут готовы мои бумаги на выезд.

– Это наш… – Антонио пощелкал пальцами, вспоминая слово, и, не вспомнив его, произнес на испанском: – Наш дормиторио.

– Наша спальня, – поправила я его.

– Да, да! Спал-лня, – букву «л» он произносил без смягчения, но как-то по-особому раскатывая ее на языке, будто ириску. – А теперь идем в твой комната.

Моя комната находилась примерно «на границе» двух половин этажа, и к ней вели два коридорчика: от старой лестницы, по которой мы уже прошли из салона, и от второй, еще пока не показанной мне. Комната оказалась небольшой, метров девять, из мебели в ней были небольшой диван, шкаф для одежды с ящиками и трюмо. Но что больше всего понравилось мне, так это персональная ванная комната, смежная с комнатой, отделанная светло-салатовым кафелем, с зеркалом и стеклянными полочками для моих косметических принадлежностей. Отдельная ванная – пик вожделения.

– Миленько, – одобрила я и оглянулась на нетерпеливо ожидавшего моей реакции мужа. – Мне нравится.

Антонио молча кивнул, но было заметно, что очень обрадован тем, что угодил мне.

На второй половине этажа вдоль второго коридорчика, ведущего через салон уже к отремонтированной лестнице, располагались три гостевые комнаты. Стандартные, похожие на гостиничные номера, с минимумом мебели, примыкающими к ним ванными комнатами. Абсолютно современные комнаты с новыми тонкими обычными крашеными стенами. Видимо, раньше здесь было одно цельное помещение, которое при реставрации разбили на небольшие гостевые комнаты.

– Тебе нравится дом? – спросил меня муж по-русски.

Но не успела я ответить, как в дверь постучали. В комнату вошла некрасивая женщина, возраст которой было сложно определить. Одета она была в широкую футболку и мешковатые джинсы, которые обтягивали полные короткие ноги и проигрышно подчеркивали низкий огромный зад. Черные волосы женщины были туго стянуты на затылке в скучный узел, открывая скуластое смуглое лицо третьеплановой героини латиноамериканских сериалов. Цепко скользнув по мне колючим взглядом угольно-черных глаз, она словно нехотя разомкнула тонкие и высушенные солнцем губы:

– Ола.

– Ола, – поприветствовала я ее.

– Это Роза, – представил мне женщину Антонио. – Она помогает… Она делает это.

Не найдя слов, он изобразил, будто метет пол. Я поняла и засмеялась:

– Убирает дом!

– Да! Да! У-би-рай-ит.

– Очень приятно, Роза, – с улыбкой обратилась я к женщине, хоть та, конечно, не понимала русского и напряженно следила за нашим коротким диалогом с Антонио на незнакомом для нее языке. Но я надеялась, что моя улыбка покажет этой женщине с насупленным лицом мое расположение к ней.

Роза, проигнорировав улыбку, повернулась к Антонио и что-то эмоционально застрекотала ему. Голос у нее оказался низкий, хриплый и шел в диссонанс с певучим, обворожительно-мягким голосом мужа, речь которого лилась мелодичной песней, тогда как речь женщины вызывала у меня ассоциации с треском сухих сучьев.

Антонио, видимо, дал Розе некоторые инструкции, и та, еще раз недовольно взглянув на меня, удалилась. Я ожидала, что после ухода домработницы муж поведет меня и дальше показывать дом, но Антонио повернулся ко мне и сказал:

– А комер![3]

Есть мне хотелось, но я немного расстроилась из-за того, что приходится прерывать осмотр дома. Оставался еще этаж, я указала пальцем на потолок и спросила, тайно надеясь, что Антонио покажет мне сейчас и третий этаж:

– А там что?

[3] Кушать! (*Исп.*)

– Ни-че-го, – по-русски и по слогам ответил он, как показалось мне, недовольно. Показалось, потому что на его лице тут же появилась невинная улыбка: – Ремонт. Но. Не работать.

И он, чтобы его слова стали мне более понятны, изобразил жестом, будто запирает дверь. Об этом он тоже писал – что дом почти готов, но последний этаж все еще нуждается в реконструкции. Я бросила полный сожаления взгляд на лестницу, ведущую на третий этаж, и, чуть замешкавшись на площадке, стала спускаться в столовую вслед за мужем.

…Если бы в этот день, первый в этой стране, мне удалось хотя бы на мгновение заглянуть в будущее, я бы, наверное, не мешкая, собрала вещи и под любым предлогом вернулась на родину. Но даром предвидения я, к сожалению, не наделена.

II

Я благополучно проспала время завтрака и пробудилась уже тогда, когда стоило заботиться о полновесном обеде, а не о чашке чая и бутербродах, составляющих мой привычный утренний рацион.

Антонио в комнате не было, что не удивило: он писал мне, что по старомодной привычке встает ни свет ни заря.

Джинсы и футболка с длинными рукавами так и валялись с вечера в кресле. Одевшись, я прошлась по спальне, разминаясь ото сна и стараясь не глядеть на разобранную постель, которая звала обратно и сулила самые медовые сны, которые бы компенсировали плохую ночь. Спала я беспокойно. Даже не спала, а находилась в какой-то странной, тягучей, как разогретая карамель, и быстро тающей дреме. Моему сну мешали звуки, которые издавал этот дом, словно страдающий бессонницей старик. Хотя мне казалось, что никого, кроме нас с Антонио, здесь быть не должно: укладываясь спать, я увидела в окно торопливо направляющуюся в сторону поселка домработницу Розу. Но дом, казавшийся днем тихим, ночью будто ожил и наполнился звуками. Какие-то стоны или вздохи, от которых я проснулась в первый раз и вначале подумала, что во сне стонет мой муж. Но нет, Антонио спал спокойно и бесшумно. Второй раз меня разбудил громкий стук упавшего тяжелого предмета, и, испугавшись, я еще долго лежала без сна. А под утро мне показалось, будто с тихим шумом приоткрылась дверь в нашу спальню и раздались крадущиеся шаги по направлению к кровати. Я не решилась открыть глаза, так и лежала, крепко зажмурившись, пока шаги не прошелестели обратно к двери. Недостатка в воображении у меня нет, а ночью, щедро подпитываемое темнотой и звуками, оно сорвало бы овации, если бы мне вздумалось обратить его в творчество. Представляя себе бог знает что, я пугливо жалась к спящему мужу, который впервые за непродолжительный период нашего знакомства стал мне по-настоящему родным и близким лишь потому, что вот так, обнимая его, я могла разделить с ним свои страхи. Между нами в эту ночь ничего не было: Антонио благородно решил дать мне отдохнуть с дороги и выспаться. Знал бы он, что за эту ночь я устала так, как не уставала за полный рабочий день.

Я приняла душ, переоделась в чистые джинсы и футболку и после этого спустилась в столовую, откуда доносилось позвякивание посуды.

– Ола! – жизнерадостно поздоровалась я с Розой, которая расставляла в навесном кухонном шкафчике тарелки. Женщина, не оборачиваясь ко мне, равнодушно бросила:

– Буэнос диас, сеньора.

Доброго дня. Слово «сеньора» она выдавила нехотя, будто я, по ее мнению, совершенно не заслуживала этого обращения.

Мне хотелось спросить у нее про Антонио, а также попросить завтрак, поскольку мой желудок проснулся и требовательно заурчал, но я не знала, как обратиться к ней. Мой словарный запас был слишком мал, однако заявить о голоде по-испански я могла. И также могла спросить о своем муже, но Роза одним своим хмурым видом, говорившим о явном нежелании общаться, подводила черту под короткими фразами, изученными мной. Но все же я отважилась и сказала на испанском:

– Роза, ты красивая!

И улыбнулась ей как можно любезнее, дабы заретушировать ложь льстивого комплимента. Роза отреагировала на комплимент снисходительной улыбкой и, наконец-то повернувшись ко мне, выжидающе уставилась на меня черными выпуклыми глазами. От ее взгляда мне снова стало не по себе, я еле удержалась от того, чтобы не опустить глаза. Набравшись смелости, задала короткий вопрос на еще непривычном мне языке: где мой муж? И получила развернутый, довольно эмоциональный ответ, из которого, ясное дело, не поняла ни слова. Ну

и как общаться? Я чуть не застонала от отчаяния, и на моем лице, видимо, отразилось такое страдание, что Роза, сжалившись, развела руками и выдала лаконичное:

– Но!

То ли не знает, где Антонио, то ли мой муж куда-то ушел и это «но» означает, что его нет дома. Ладно, разберемся… Я вздохнула и сказала, что голодна.

– Кафе? – с ударением на последнем слоге спросила Роза. «Кафе»… Хочется ли мне кофе? Нет, я бы предпочла чай и большой бутерброд. Но домработница уже проворно плеснула в небольшую чашку темного, как деготь, кофе и щедро долила молока. Поставив чашку на небольшой подносик, она положила рядом два пакетика с сахаром и ложечку. Все. Забирай, сеньора, свой завтрак и проваливай. Она ничего мне не сказала, но я это поняла по выражению ее лица. И почему она меня так невзлюбила?

– Спасибо, Роза, – в отместку поблагодарила я ее по-русски и с подносом в руках поплелась к себе наверх.

Кофе закончился слишком быстро, и в желудке вместо сытости образовалась еще большая пустота. Я посмотрела на свои наручные часы и вздохнула: до обеда часа два. Ну и что мне делать? И где, черт возьми, мой муж? Неужели он так просто ушел, не оставив Розе никаких инструкций насчет меня и какого-нибудь сообщения мне? Сомнительно! Но возобновлять попытку разговорить угрюмую домработницу совершенно не хотелось. Поэтому я порылась в сумке, вытащила учебник испанского и, почти бегом спустившись по лестнице, выскочила во двор. В поисках мужа, да и просто из любопытства, обошла дом кругом и увидела, что реставрационные работы все еще не закончены, но, похоже, пока приостановлены. Внутренний двор был завален строительными материалами, а сам дом с задней части, начиная от полуразрушенного козырька на уровне второго этажа и до самой крыши, закрыт строительной сеткой ярко-зеленого цвета. Под козырьком, видимо, раньше располагался другой выход, но сейчас дверной проем был заложен новыми, подобранными по цвету и форме «в тон» старыми камнями. Козырек пока остался, поскольку с него было удобно вести строительные работы. Антонио я не встретила и, усевшись на оставшийся с лета разложенный шезлонг возле бассейна, открыла учебник. Чтобы этот языковой вакуум, в который я попала, едва успев приехать, не свел меня с ума, я должна как можно быстрее овладеть испанским хотя бы до более-менее нормального разговорного уровня. Однако меня хватило на прочтение лишь двух новых уроков, после чего я, окончательно запутавшись в спряжениях глаголов, закрыла книгу и вытянулась в шезлонге, подставив незагорелое лицо теплому, но уже не обжигающему октябрьскому солнцу.

Лежала я в блаженном спокойствии недолго: рядом раздался тихий шелест травы, а через мгновение кто-то вспрыгнул на шезлонг. Я вскрикнула от легкого испуга и открыла глаза. Но, увидев примостившуюся у меня в ногах кошку с неопрятной свалявшейся грязно-белой шерстью, рассмеялась:

– Кис-кис, иди сюда.

Кошка, видимо, не понимала русского и, презрительно фыркнув, спрыгнула с шезлонга на траву. Но не ушла, а села чуть поодаль и вперилась в меня изучающим взглядом разноцветных глаз – голубого и желто-карего. От того, что ее глаза были такими контрастными по цвету, от того, что смотрела она на меня так пристально, мне стало не по себе.

– Иди сюда! – попыталась расшевелить я ее, лишь бы избавиться от этого взгляда. – Кис-кис!

Кошка потянулась, томно выгибая спину и не спуская с меня глаз. «Я здесь хозяйка, а ты кто?» – прочитала я в ее взгляде.

– Тоже теперь хозяйка! – попыталась пошутить я с ней. На что кошка, громко фыркнув, повернулась и, задрав кверху распушенный грязно-белый хвост, с достоинством удалилась по направлению к дому. Мой статус хозяйки она не приняла, это точно.

Оставшись в одиночестве, я задумалась о своей жизни, которая представлялась мне раскрытой книгой: прочитанные страницы, отделенные от непрочитанных линией переплета. Моя «книга» разломилась на две части: первая – «до». До нашей первой встречи с Антонио, до писем от него, до этого аэрофлотовского билета в одну сторону. И вторая – «потом», к чтению которой я приступила с волнительным ожиданием чего-то нового, необычного, чего еще никогда не было в моей жизни и, казалось, никогда и не будет. Прочитав лишь первую «страницу», сложно сказать, насколько тебе понравится сюжет и не разочарует ли финал своей недописанностью или нелогичностью. Я боялась ошибиться в своих надеждах. Но что с уверенностью могла сказать себе, лежащей в шезлонге на краю бассейна, так это то, что на данный момент моя «прочитанная» жизнь на фоне новой бассейно-шезлонговой казалась более тусклой.

Я окончила экологический факультет, после вуза отправилась работать не по профилю (честно говоря, мне как-то сложно представлялось, куда бы я могла пристроиться со своей специальностью), а в первую откликнувшуюся на мое краткое резюме, не изобилующее трудовыми подвигами, фирмочку, торгующую посудой. Работа мне не нравилась, но я прилежно выполняла обязанности и за довольно короткий срок сделала карьеру сомнительной прелести – от помощника менеджера по продажам до старшего менеджера. Можно сказать, что в отношении учебы и работы я просто плыла по течению, отдавая предпочтение некой стабильности, чем рискованным, но делающим жизнь менее монотонной поискам себя.

Одно время по молодости мне пророчили неплохую модельную карьеру. Вроде обладала внешними данными, нужными для подобной деятельности: высокий рост, худоба до костлявости. Однако я, как девочка-подросток, которая видит в зеркале лишь гадкого утенка, не любила свою внешность. Не комплексовала, просто не любила. Хотя парадокс: именно в подростковом гормонально-слезном периоде я себе нравилась. Что случилось потом? Не знаю. Мне просто хотелось быть другой. Иметь темные, отливающие глянцем, идеально прямые волосы, а не белобрысый «одуванчиковый пух», который не укладывался ни в одну прическу (единственным выходом было носить длинные волосы и заплетать их в косу). Мое лицо люди называли «кукольным» и хорошеньким, а мне отчаянно хотелось отделаться от этого сомнительного барбиобразного комплимента. Я и в самом деле была чем-то похожа на куклу: фарфорово-белая кожа, чуть вздернутый маленький нос (предмет маминой гордости, которая считала, что по-настоящему хорошенькая девушка должна обладать маленьким аккуратным носиком) и светло-голубые глаза. Я могла бы любить свое лицо и гордиться им, но не любила за эту всеми признаваемую кукольность. И чтобы хоть как-то бороться с ненавистным мне «имиджем», вместо ожидаемых от меня оборчатых и кружевных юбок и платьев носила джинсы, спортивного стиля свитера, толстовки, футболки и обувь на плоской подошве. Можно было порадоваться тому, что моя фигура отличалась от барбиобразной тем, что у меня хоть и были аккуратные узкие бедра и ноги длиной не подкачали, но отсутствовал бюст. Но это отличие от Барби доставляло не радость, а, понятное дело, огорчение.

У меня даже имя было кукольное – Даша.

Антонио говорил, что моя внешность в Испании экзотична и потому еще более привлекательна. А мне, напротив, нравилась южная красота, и я боялась, что на фоне ярких испанок острее почувствую не свою экзотичность, а блеклость.

Возможно, причиной такого ревностного, граничащего с паранойей отношения к южной красоте послужило то, что мой бойфренд Иван, с которым мы встречались без малого пять лет, за месяц до нашей свадьбы изменил мне с одной знойной красоткой. Не знаю, как там у них сложилось дальше. По слухам, Иван недолго переживал мой уход и закрутил уже открытый роман с разлучницей.

Я грустила по поводу измены и расторгнутой свадьбы ровно десять месяцев – до января этого года. А потом поддалась Веркиным уговорам, и мы с ней отправились в брачное агентство, которое специализировалось на знакомствах с иностранцами. У моей подруги, имевшей

не один неудачный опыт несложившихся отношений с нашими соотечественниками, возникло стойкое убеждение, что мужчину мечты нужно искать не на родине и в республиках-соседках, а за рубежом. Честно говоря, я не разделяла подобной одержимости подруги и отправилась с ней за компанию. Но анкету все же заполнила, положенный взнос уплатила и фотографии сделала.

Отклики пошли сразу. Не могу сказать, что все написавшие нам «женихи» были сплошь принцами. Верке, которая параллельно мониторила в поисках иноземных женихов просторы Интернета, порой попадались такие экземпляры, что с них можно было писать многотомные истории психиатрических заболеваний. Хорошо, подруга благодаря своему выстраданному опыту нескладывающихся отношений раскусывала таких «букетников болезней» еще во время переписки и нокаутировала личные встречи. Я же в отличие от нее наивно встретилась с первым попавшимся «женихом», который как раз гастролировал по великой и могучей России в поисках невест.

Ко мне в Москву на свидание заглянул в день отлета в свою картофельную Америку уже поистратившийся и, я бы сказала, поистрепавшийся «принц» (о, этот чуть ли не в совершенстве владел русским, что меня и подкупило), поскольку, как выяснилось в ненавязчивом разговоре, он совершил довольно долгий и утомительный «гастрольный тур» по невестам. И из этого путешествия американец увозил в своем сердце трехфиалковый букет русских красавиц: ярославской Маши, ивановской Юли и московской Даши, то есть меня. Жених терзался сомнениями, какому «цветку» в итоге отдать предпочтение. Святая простота, он даже разложил на не совсем чистом столике в дешевом кафетерии, где мы с ним встретились, веер из фотографий русских красавиц и спрашивал у меня совета. Я мстительно ткнула пальцем в самую страшную «невесту» из Тамбова – чудовищно толстую тетку с накрашенными алыми губами и выбеленными перекисью почти до прозрачности волосами, составляющими незабываемый контраст с угольно-черными мохнатыми бровями.

– Эта! – уверенно ответила я обескураженному «жениху». У того даже отвисла челюсть, а открытый рот стал идеально круглым, как буква «о».

– Но почему? – спросил меня этот то ли Билл, то ли Джон.

– Гром-баба! – с восхищением ответила я. – Посмотри, какая красавица! Куда твои глаза смотрели, когда ты эту девушку отверг? К ней и возвращайся. А таких, как мы…

Я пощелкала пальцами по почетно занимающим самый чистый уголок стола отобранным фотографиям трио Даша – Маша – Юля.

– Таких, как мы, в твоей Америке полно! А вот таких – нет. Настоящая русская красавица! Ее и бери в жены. Она тебе и борщ сварит, и картошки с луком пожарит, и на груди своей пригреет.

– А ты? – с надеждой спросил Джон-Билл.

– А я – нет. Потому что картошка у меня подгорает, а грудь такая, что и прижать не к чему, – усмехнулась я. Не знаю, наверное, иронии моей он не понял. Потому что улетал Джон-Билл в свою Америку с растерзанным сердцем, в котором бились за место ярославская Маша, ивановская Юля, ваша покорная слуга и тамбовская тетка, против мощи которой наше трио ничего поделать не могло.

А я после первой и единственной встречи с иноземным женихом решила завязать с этой авантюрой. Но в тот день, когда собиралась набрать номер агентства, чтобы заявить о том, что выхожу из игры, меня опередила звонком взволнованная «сваха» Нина. Она велела срочно приехать в агентство, а все мои хлипкие возражения и просьбы убрать анкету из базы данных решительно отмела.

– Приезжай, и немедленно! – таков был ее приказ. Я повиновалась – отчасти потому, что хотелось узнать, что такое приключилось, ради чего меня вызвали в срочном порядке.

– …Испанец. Состоятельный и важный господин. Наш VIP-клиент, – с придыханием перечисляла Нина достоинства нового жениха, который остановил выбор на моей анкете. Я же

слушала ее безо всякого интереса и лишь выжидала, когда она сделает нужную мне паузу для того, чтобы вставить свое веское слово о том, что импортные женихи меня больше не интересуют и я собираюсь расторгнуть контракт.

– Огромный частный дом с садом и бассейном недалеко от Барселоны. Винный бизнес, экспорт во многие страны, – продолжала наизусть расхваливать мне жениха Нина. При этом ее глаза лихорадочно блестели, будто она оценивала редкостной величины алмаз. Я же всегда была равнодушна к золоту и камням, поэтому и бровью не вела, слушая сваху. Откуда Нина все это знала, волновало тоже мало. Я была тверда, почти тверда в своем решении завершить эту брачную авантюру сегодня же, не встречаясь с этим, как его…

– …Антонио Мартинес Баррэра, – торжественно, словно представляла на дипломатическом приеме, объявила сваха полное имя кандидата на руку и сердце.

– Его так зовут, да? – наивно поинтересовалась я, уже знавшая по латиноамериканским сериалам, что «там» любят называть детей трехэтажными именами: между первым именем в честь папы и последним в честь мамы вставить все имена игроков любимой футбольной команды, не забыв при этом и запасных.

Нина посмотрела на меня как на полную дуру и нахмурилась.

– Антонио – это его имя. А Мартинес Баррэра – фамилия. У испанцев по две фамилии.

Она, проработавшая в сводническом бизнесе не первый год, наверняка уже изучила тонкости каждой нации. Я мысленно в знак уважения к знаниям Нины сняла перед ней шляпу.

– В общем, Дарья, прихорашивайся, в субботу он собирается с тобой встретиться.

Ох. Вот это удар под дых. Я даже невольно согнулась на стуле, будто и в самом деле получила удар в живот.

– Нина!..

– Слушай, детка, – приблизила ко мне она свое мастерски накрашенное не юное, но выглядевшее молодым лицо. – Я уже не одной нашей девочке счастье устроила. И некоторые кривлялись похлеще тебя, а теперь вон из-за кордона письма благодарственные шлют. Этот Антонио настолько завидный жених, что ты себе и представить не можешь. Богатый, знатный, красивый, несмотря на то что ему сорок девять лет.

– Сколько?! – ужаснулась я. Старше меня на двадцати три года, чуть ли не вдвое. Кого мне сватает эта плутовка Нина? Наверняка какого-нибудь самого завалящего хрыча, которого никто брать не хочет даже с наклеенной бирочкой, заманчиво сулящей: «Распродажа! Скидка 70 %». Этот Антонио, запылившийся на самых дальних полках брачного агентства, видимо, решил щедро заплатить Нине комиссионные, лишь бы его пронафталиненную персону выставили в витринный ряд.

– Детка, ты этого Антонио не видела! Говорю тебе, мужик стоящий. И не только кредитная карта в нем привлекательна, поверь мне, он и внешне еще о-го-го. Некоторые мужчины с возрастом лишь краше делаются. А уж испанцы и сами по себе красивы. Я знаю Антонио уже порядочный период времени, он наш давний клиент. Поверь: многие девочки желали с ним познакомиться, я ему гору фотографий наших девушек предлагала – таких красавиц, что не устоишь. Но Антонио всем во встрече отказал. Искал свою жемчужину, как говорил. А тут увидел твои фотографии, которые я ему позавчера отправила, и тут же перезвонил сообщить, что в пятницу прилетает встретиться с тобой. Ты только представь – летит специально, чтобы увидеть тебя!

– И чем я ему так глянулась?

Странно это. Странно. Первой красавицей я себя не считала, а фотографии, которые мне сделали в агентстве, не были удачными.

– Глянулась, и все, – сердито отрезала Нина. И с надеждой спросила: – Ну как, Даш? Поедешь к нему на встречу?

Я в знак согласия лишь обреченно вздохнула, подумав про себя, что, может, отправлю на эту встречу Верку…

И все же поехала на свидание сама. Но если сказать честно, ехала без особого энтузиазма, ожидая увидеть клон американского жениха Джона-Билла, чье сердце разрывалось между несколькими русскими невестами. В этот раз не американец, а испанец, но суть от этого, на мой взгляд, не менялась. И неважно, что там пела мне сваха Нина про разборчивость нового жениха, остановившего свой выбор на моей анкете, я все равно была уверена, что этот незнакомый мне Антонио тоже проехался жениховским туром по российским просторам.

Дабы иностранец более-менее сориентировался в линиях московского метро и не потерялся в их паутине, встречу мы назначили в кафе неподалеку от брачного агентства. Эта дорога была знакома и Антонио, и мне, так что найти друг друга не составило бы особого труда. Предполагалось, что испанец сам узнает меня по фото. Впрочем, сваха Нина тоже показала мне его фотографию. Однако испанец мне не запомнился. Помню, мелькнула мысль, когда я увидела фото, что да, в общем-то, Нина права, недурен собой, но фотография могла оказаться и десятилетней давности. Откуда мне знать, сколько лет анкета этого Антонио пылится в архивах брачного агентства в ожидании «жемчужины»? С такой разборчивостью жених успел уже и состариться.

Мы сразу узнали друг друга, будто были знакомы и виделись неоднократно. Едва я вошла в кафе, на ходу растирая варежкой покрасневший на февральском морозе нос, из-за столика возле окна навстречу мне поднялся невысокий, как мне показалось на первый взгляд, импозантный мужчина в представительском костюме. Он больше сошел бы за бизнесмена, поджидающего партнера на бизнес-ланч, чем за мужчину, ожидающего девушку на романтическом свидании.

– При-ивьет! – неожиданно поздоровался Антонио по-русски и, притянув меня к себе, по-свойски расцеловал в обе щеки. Уже потом я узнала, что испанцы при встрече и прощании целуются два раза, а тогда, помнится, смутилась и немного растерялась. Внешне Антонио выглядел моложе своих сорока девяти лет и был довольно привлекателен, даже, пожалуй, гораздо привлекательнее, чем на бездушном цифровом фото. Черные, с благородной проседью волосы, несколько пижонски удлиненные и зачесанные с помощью геля назад. Легкий загар и идеальный, словно вылепленный скульптором профиль. Антонио сразу же объяснил мне, что немного говорит по-русски (я тут же ответила, что не знаю по-испански ни слова, а английский, который учила в школе и университете, успела забыть), но чтобы нам проще было общаться, у него в ноутбуке установлен переводчик. К слову сказать, мы с Антонио тогда, в нашу первую встречу, умудрились разговориться, почти не прибегая к машинному переводу. К концу вечера я запомнила несколько слов на испанском: «ола» («привет»), «грасиас» («спасибо»), «гуапа» («красивая») и еще пару-тройку, чем привела моего собеседника в неописуемый восторг.

Помню, Антонио то ли в шутку, то ли всерьез посетовал на то, что ему очень нравится Россия, но вот кофе оставляет желать лучшего. И рассказал об испанских кофейнях, которые есть на каждом шагу. И можно прийти туда в любое время, взять газету, заказать кофе и сидеть так долго, как тебе хочется. Почему-то эта кофейная тема расположила меня к испанцу еще больше. Он рассказывал, используя простые русские слова, но картинка, которую пытался обрисовать, нисколько не страдала от нехватки словесных красок, напротив, иностранный акцент, игнорируемые спряжения и падежи лишь придали ей особую пикантность, даже уютность. Мне в тот момент ужасно захотелось оказаться в солнечной Испании, сидеть в маленькой кафешке, пить расхваленный кофе со взбитым до пены молоком и читать какую-нибудь интересную книгу. И никуда не торопиться. Принять испанский ритм жизни, по сравнению с которым московский – это бег на выживание по узким улочкам от раздразненных быков. Я, потягивая горячий чай и слушая Антонио, смотрела в заснеженное окно на рано спускавшиеся

на землю сердитые сумерки, и мне хотелось сойти с дистанции, сделать остановку, передышку, чтобы, глянув со стороны на несущуюся эскалаторную ленту московской жизни, осмыслить спокойно, что я хочу, чего добиваюсь, зачем оказалась на этой ленте и нужно ли это мне. Антонио ничем не напоминал американского «гастролера» Джона-Билла, он создавал впечатление серьезного человека, уверенно идущего к своим целям и не мечущегося меж нескольких возможностей, не зная, какой отдать предпочтение. И вместе с тем, несмотря на кажущуюся серьезность, он был не лишен чувства юмора, чем нравился все больше. Мне казалось, что главное препятствие в общении, которое может возникнуть между русским и иностранцем, – это разное чувство юмора. Но, к моему удовольствию, смысл многих шуток и поговорок оказался одинаковым. Мы в тот вечер увлеклись поиском общих пословиц и почти ничего не рассказывали о себе. Будто действительно были знакомы очень давно и успели хорошо изучить друг друга.

После кафе, помнится, я повезла Антонио ужинать на Мясницкую, в пролетарско-студенческий ресторан популярной сети «Му-му», нисколько не озаботившись тем, что, возможно, такому внешне элегантному иностранцу не с руки будет толкаться в очереди с подносом. Но мне в первую очередь думалось о вкусных салатах и ароматном борще, которые там подавали, и хотелось, чтобы Антонио тоже оценил по достоинству тамошнюю кухню. Оценил. И принял с юмором и неким умилением эту мою выходку – отказаться от предложенного им респектабельного ресторана в пользу дешевого общепита системы самообслуживания.

До его отъезда мы увиделись еще три раза.

– Ты поедешь со мной в Испанию? – спросил Антонио в последний вечер. Для верности он перевел эту фразу с помощью переводчика, потому что вопрос казался ему чрезвычайно важным. И я, думая об испанских кофейнях и размеренном образе жизни, о солнце, которое сияет с безоблачного синего неба круглый год, кивнула, молча принимая предложение. Меня не смутило то, что я дала так скоро, лишь после четырех встреч, согласие малознакомому человеку ехать в его страну. Пусть только и на неделю, с туристической целью.

– Я куплю тебе тур, – пообещал Антонио, вначале переведя эту фразу в компьютере, а потом зачитав мне. Мы в тот же вечер отправились в туристическое агентство и забронировали тур в Барселону. Антонио, несмотря на мои возражения и предложение самой оплатить поездку, отсчитал затребованную девушкой-оператором сумму и решительно сунул ее мне в руки.

В ожидании моего приезда он писал мне каждый день с помощью косноязычной программы-переводчика длинные подробные письма. Так, в письмах, мы постепенно и узнавали друг о друге. Я узнала, что Антонио никогда не был женат, в молодости уехал в Латинскую Америку и там довольно неплохо раскрутил бизнес (какой именно – он умолчал), но пару лет назад вернулся в родную Испанию, занялся экспортом вин, купил старинный дом, бывший в запустении, и постепенно его реставрирует. Дом огромный, живет он в нем один, если не считать женщины Розы, приехавшей с ним из Латинской Америки и помогающей вести хозяйство. Моя мама, которой я читала эти письма, бросалась из крайности в крайность. От излишних переживаний за свою единственную дочь, которая намылилась ехать далеко-далеко к заморскому принцу, она выискивала в письмах фразы, компрометирующие безупречную репутацию Антонио.

– Вот, вот, смотри, ему почти полтинник, а он до сих пор не был женат! Что-то здесь не то! Это ненормально, Даша! Либо он тебя обманывает и у него – богатое прошлое, либо что-то у него не в порядке… гм… ну, в интимном плане. Как так можно!

Я парировала, что она меряет все российскими мерками, по которым женятся-разводятся очень рано, а в Европе семью заводят уже осознанно, имея прочную материальную базу и, следовательно, гораздо позже. Мама хмыкала, поджимала губы и тут же начинала противоречить сама себе:

– Смотри, Дашка, не упусти такого жениха! Ну что ты здесь забыла, какое будущее тебя ожидает в нашей нестабильной стране? Дурой будешь, если упустишь его! Ну и что, что ему уже под пятьдесят, значит, умный и зрелый человек. Смотри, какие письма хорошие тебе пишет!

Я смеялась и уверяла маму, что все сложится так, как и должно сложиться, и если Антонио – моя судьба, то никуда ни я от него, ни он от меня не денемся.

…Кажется, я задремала в шезлонге, потому что чье-то неожиданное прикосновение к плечу напугало меня. Я вздрогнула, мгновенно выныривая из омута сладкой дремы, и резко открыла глаза. Надо мной склонилась Роза.

– Сеньора, – сквозь зубы произнесла она. Видимо, такое обращение ко мне коробило ее. И протянула мне трубку радиотелефона: – Сеньор Антонио.

Слово «сеньор» она произнесла с подчеркнутым уважением, словно стараясь указать мне на лишь ей понятную разницу.

Я кивком поблагодарила Розу и взяла из ее рук трубку.

– Ола? – спросила-поздоровалась я и выразительно покосилась на бестактно оставшуюся стоять на месте домработницу. Ноль эмоций. Обратившись в слух, она замерла выжидающей скульптурой возле моего шезлонга.

– Ола, Дача! – весело поздоровался Антонио. Он все время забывал, как звучит наша русская буква «ш», и произносил ее на испанский манер как «ч». Вот так я каждый раз в его устах перевоплощалась из девушки в загородный дом.

– Привет, Антонио! Не «дача», а «Даш-ша», – смеясь, поправила я его и бросила еще один выразительный взгляд на Розу, которая чуть заметно нахмурилась, услышав, что мы собираемся общаться на русском. И поскольку домработница вновь проигнорировала мой намек, я встала из шезлонга. Пусть мы с Антонио и собираемся общаться на лишь нам понятном языке, состоящем из набора русско-испанских слов, мне было очень неловко разговаривать под внимательным контролем чрезмерно любопытной Розы. Мелькнула даже нехорошая мысль: а не ревнует ли она меня к своему «сеньору Антонио»? Тогда стала бы понятна та неприязнь, которую она испытывает ко мне.

– Ты где? – Этот вопрос мы задали друг другу одновременно, и оба рассмеялись. Антонио уступил мне право ответить первой, и я, перейдя на испанский (пора привыкать!), сообщила, что нахожусь в его саду. Из его же ответа, составленного специально для меня из максимально упрощенных фраз, стало ясно, что у Антонио есть очень важное дело и что домой он прибудет только к ужину. Но завтра, поняла я с его слов, мы поедем гулять в Барселону и весь день проведем вместе. Хочу ли я этого, спросил он у меня. Странный вопрос! Конечно, хочу!

До прихода Антонио я успела прочитать еще два урока испанского, пообедать (Роза прямо в сад на подносе принесла приготовленную на гриле свинину с жареным картофелем и кофе с молоком), позвонить со своего мобильного маме и разобрать чемодан с сумкой. Я убрала в шкаф свою немногочисленную одежду: три футболки с короткими рукавами, четыре – с длинными, две толстовки, две пары джинсов и легкую болоньевую курточку. Сложила в один выдвижной ящик нижнее белье, в выборе которого тоже отдавала предпочтение спортивному стилю – гладкая ткань без кружев, единственное, на что я «покупалась», так это цвет. Люблю цветное белье. Другой ящик заняла колготами и носками, в третий положила спортивные тапочки, кроссовки и единственные ботинки на каблуке. Заполненными оказались лишь три ящика и оставалось еще два. Я разочарованно заглянула в опустевший чемодан, словно ожидая найти в нем еще что-нибудь, и вздохнула. С собой я взяла лишь любимую одежду и обувь на каждый день, а остальное собиралась купить уже здесь. Но пустые ящики-полки не любила, они создавали тоскливое ощущение незавершенности, нестабильности, казенности. Словно своей пустотой намекали на то, что я здесь временно, как в гостиничном номере.

Что за глупые мысли лезут в голову?

Вынутые из сумки книги и диски я выложила на трюмо – к косметике, взяв на заметку, что надо бы попросить Антонио купить небольшую этажерку. Стопка книг и выставленные по поверхности трюмо баночки-скляночки с моей косметикой создавали некую иллюзию обжитости комнаты. Я, бодро улыбнувшись своему отражению, громко сказала:

– Все будет хорошо.

«Все будет хорошо» – мой девиз. Моя мантра. Моя молитва. Все будет хорошо, иначе и быть не может.

Приняв напоследок ванну, я облачилась в свой любимый, немного вытертый, но от этого ставший еще более уютным домашний костюм. И только собралась устроиться на диване с книгой, как в дверь деликатно постучали. После моего ответа вошел муж.

– Ола, Дача!

– Даша, – машинально поправила я его. Еще чуть-чуть, и стану отзываться на «дачу».

– Даш-ша, – старательно выговорил он. – Как ты? Что ты делаль?

Он, сев рядом на диван, обнял меня одной рукой и уткнулся носом мне в висок. Я чувствовала щекой его шершавый подбородок, и мне были приятны эти покалывающие кожу прикосновения. И я не без удовольствия добавила монетку в воображаемый мешочек в пользу возникающих моих чувств к Антонио. Я, до сих пор еще не разобравшаяся в своих чувствах к мужу – влюблена ли в него или просто очарована нежным отношением ко мне, – считала очки в его пользу. Мне казалось, что по мере наполнения вымышленного «мешочка» монетками-очками мои чувства к Антонио растут. И когда-нибудь, когда этот мешочек окажется полным, я смогу сказать себе: «Дашка, а ты влюбилась раз и навсегда. В собственного мужа».

Глупость какая… Мешочек. Я, прогоняя всякие мысли о подсчетах баллов, покачала головой, и Антонио, приняв этот жест за мой протест против его объятий, отстранился. А жаль. Мне нравилось.

– Как ти? – настойчиво переспросил он, потому что я так до сих пор и не ответила.

– Хорошо. Сделала много вещей.

От испанского я успела устать, мой язык просил отдыха – знакомого, сладкого, как карамель, русского произношения. Боже мой… Станет ли когда-нибудь для меня родной язык мужа близким или навсегда так и останется чужим? Я на русском короткими предложениями, чтобы Антонио меня понял, перечислила все, что делала сегодня. Он понял. Удивительно, но мы почти не испытывали сложности в общении, хоть я только недавно начала осваивать уроки испанской грамотности, а супруг хоть и мог немного изъясняться на русском, но тоже не владел им в совершенстве. Наши разговоры с ним иногда напоминали диалог телепузиков, потому что фразы состояли в основном из двух-трех слов и повторяли их мы друг для друга и друг за другом по несколько раз. В одном из писем Антонио писал мне, что русский язык начал самостоятельно изучать два года назад. А заинтересовался русской культурой еще раньше, читая в испанском переводе наших классиков. Два раза он был в России. Удивился экстремальному вождению на дорогах, влюбился в русскую кухню и очаровался элегантностью и красотой наших женщин. И еще тогда решил, что женится только на русской.

– Кушать? – спросил Антонио после того, как я закончила рассказывать о своем дне. Я кивнула и радостно соскочила с дивана.

– Тебе нравица эта? – поморщился он, указывая пальцем на мой костюмчик.

– Ну да, – неуверенно произнесла я. – А тебе нет?

– Нет, – твердо отрезал муж и, резко встав с дивана, жестом попросил меня подождать.

Он ушел куда-то, но уже вскоре вернулся с большой коробкой в руках. И торжественно, будто дарил нарядную куклу пятилетней имениннице, поставил ее рядом со мной на диване.

– Что это? – удивленно посмотрела я на Антонио и перевела взгляд на коробку из плотного темно-коричневого картона. Не дожидаясь ответа, попробовала двумя пальцами приподнять крышку и любопытно заглянуть в темное нутро, сулящее мне какой-то сюрприз.

– Это подарок?

Антонио немного замялся с ответом, а потом все же медленно, словно нехотя, разжал губы:

– Нет, не есть подарок. Подарок – завтра. Это… Как это сказать по-русски…

Он изобразил, будто продевает руки в невидимые рукава.

– Одежда? – поняла его я и в нетерпении открыла коробку. Но моя улыбка тут же сползла с лица, как смытая дождем дешевая косметика. Потому что то, что я вытащила из коробки, сложно было назвать… гм… одеждой. Это было синее трикотажное платье с нелепыми широкими плечами из-за пришитых изнутри толстых, как подушки, подплечников, с широким поясом и короткой юбкой. Старомодное и, видимо, кем-то когда-то ношенное.

– Что это, Антонио? – подняла я недоуменные глаза на застывшего в выжидательной позе мужа. – Откуда это?

Он пожал плечами, то ли не понимая моих вопросов, то ли не зная на них ответов.

– Ты хочешь, чтобы я надела… это? – Я уже не заботилась о примитивном построении фраз для того, чтобы он меня понимал, настолько была обескуражена этой непонятной и неожиданной выходкой.

– Да. Пожалуйста, Дача.

– Даша.

– Да, извините, Даш-ша.

– Черт, Антонио… – Я растерянно вертела в руках это тряпье, не зная, как отреагировать. Муж хочет, чтобы я вот это напялила, потому что мой домашний костюм показался ему куда отвратительней? Чудеса в решете.

– Пожалуйста, – умоляюще сложил ладони перед грудью Антонио. – Потом ми купим другой.

У меня так и вертелся на языке вопрос, где он взял это платье, но я, чуть помедлив, решилась:

– Хорошо.

Антонио просиял и, хлопнув в ладоши, встал, намереваясь выйти из комнаты, чтобы я могла переодеться в одиночестве. В дверях он обернулся и послал мне, все еще продолжающей сидеть на диване с вытянутым от удивления лицом, воздушный поцелуй.

Во дела… Когда за мужем закрылась дверь, я вскочила и быстро заходила по комнате, не зная, как понимать эту странную его просьбу. Где он взял это платье? Чье оно? Я ради интереса приложила его к себе, примеряя. Если бы не эти подушкообразные подплечники, которые делали плечи чуть ли не вдвое шире, то платье было сшито словно на мою фигуру. Оно кому-то принадлежало раньше или все же Антонио купил его для меня? Может быть, сейчас мода такая странная и это платье – писк сезона, а я, помешанная на джинсах и толстовках в стиле унисекс, безнадежно отстала от современных тенденций? А может быть, Антонио, как человек другого, более старшего поколения, ярый противник «неженственности» и джинсы, спортивные костюмы, кроссовки считает мировым злом, сводящим на нет женскую красоту? И это платье (возможно, где-то у кого-то второпях одолженное) – как некий намек, что я должна носить «женскую одежду»?

Прекратив бессмысленное кружение по комнате, потому что от беспочвенных домыслов даже начала болеть голова, я бросила платье на диван и, прищурившись, еще раз окинула его оценивающим взглядом. В конце концов, ничего страшного не случится, если я выполню этот каприз мужа, а дабы свести на нет свои подозрения, спрошу у Антонио прямо, откуда взялось это платье и почему он так страстно хочет меня в нем видеть.

…Я не ошиблась, подумав о том, что Антонио хочет увидеть меня в этой одежде *страстно.* Едва я, облаченная в обтянувший меня, словно перчатка, трикотаж, с непомерно огромными плечами и босая (не надевать же под платье кроссовки!), вошла в *нашу* спальню,

как Антонио, быстрым жадным взглядом скользнув по моей фигуре, схватил меня за руку и, обрывая все вопросы раскаленным поцелуем, опрокинул на кровать.

III

Мы так и не попробовали ужин, который приготовила для нас Роза. Утомленные любовной игрой, но удовлетворенные и счастливые, мы забылись в объятиях друг друга, не найдя сил даже на быстрый душ, не говоря уже о том, чтобы спуститься вниз и перекусить. Но посреди ночи я проснулась от противного сосущего чувства в желудке. Вначале мне снился сон, в котором я унизительно клянчила у Розы суп, а она у меня на глазах с торжествующей улыбкой опрокидывала всю кастрюлю в раковину. Потом я, одержимая идеей найти место, где можно поесть, бегала по какому-то поселку, но все закусочные и рестораны на пути либо закрывались прямо перед носом, либо в них не оказывалось свободных мест, либо заканчивалась еда. Так я проснулась от голода и решила спуститься в столовую, поискать в холодильнике что-нибудь съестное.

Я нащупала на полу чудовищное платье «привет восьмидесятым», кое-как напялила его на себя и выскользнула за дверь. Коридор был слабо освещен светильниками-рожками и в их приглушенном, каком-то мертвенном свете показался мне бесконечным каменным тоннелем. На цыпочках, оттого что холод плиток обжигал босые ноги, я добежала до лестничной площадки и только там сообразила, что «путешествовать» и дальше босиком по каменным полам чревато для здоровья. Позднее зажигание, как сказала бы Верка: надо было сразу, выйдя из спальни, завернуть в мою комнату за обувью. Я еще несколько секунд потопталась на лестничной площадке в сомнениях, стоит ли возвращаться или все же спуститься в столовую и быстро пошарить в холодильнике, уповая на русское «авось» – авось прокатит и цистит от гуляний босиком по холодным полам меня минует. Но все же разумно решила вернуться. Тем более что в моей комнате можно наконец-то сменить это трикотажное позорище на милую телу и сердцу домашнюю одежду.

Я так же на цыпочках добежала до своей комнаты, быстро переоделась в забракованный мужем костюм и прямо на босу ногу обула кроссовки. Теперь можно и на штурм холодильника отправляться. Надеюсь, мой сон не был вещим и Роза не выкинула несъеденный ужин в помойку, а рачительно убрала в холодильник.

Выйдя из комнаты, я почему-то повернула не налево, где находилась спальня, а направо и по другому коридору мимо гостевых комнат направилась к новой лестнице. Свет в этой пустующей части этажа, как ни странно, был более ярким, и это меня подкупило.

Проходя мимо последней гостевой комнаты, я неожиданно услышала за дверью плач. В тишине спящего дома он показался мне громким, хотя на самом деле всхлипывания были еле слышны, удивительно, что я их вообще заметила. Я вернулась на шаг назад и, оглянувшись по сторонам, боязливо припала ухом к двери. Нет, определенно в комнате кто-то плакал. От страха в области желудка мне стало так холодно, будто я залпом опрокинула в себя стакан ледяного молока. Даже дыхание перехватило. В доме только мы с Антонио, кто же там плачет, за этой дверью?

Роза. Ну конечно! Увлеченная постельной акробатикой с супругом, я не могла видеть, ушла ли домработница, как вчера, к себе домой или осталась здесь. И сейчас, затаившись в этой комнате, о чем-то горько плачет. Возможно, ей требуется помощь – стакан воды, например. Я решительно нажала ручку, но дверь не поддалась. Женщина заперлась, словно предвидела, что мы можем потревожить ее уединение.

– Роза, Роза, это вы? – закричала я, одновременно барабаня в дверь и от волнения забыв, что домработница не поймет меня. – Роза, откройте! Что с вами?

Всхлипывания смолкли, но уже через мгновение возобновились и переросли в рыдания. С женщиной явно была истерика. Я всерьез испугалась: что же случилось, что заставило Розу так плакать? И как бы она не натворила в состоянии аффекта чего-нибудь ужасного.

– Роза, Роза, это ты? – заколотила я с удвоенной силой в дверь и, спохватившись, перешла на испанский: – Эрес ту? Роза?

Рыдания снова смолкли, но мне, однако, не открыли. Я подергала ручку и, нахмурившись, вновь прижалась ухом к двери, обращаясь в слух и пытаясь понять, что сейчас там делает домработница. Но за дверью была тишина, будто несчастная женщина, испуганная тем, что ее обнаружили, обернулась в мышонка. Мое воображение тут же угодливо подсунуло жалостливую картинку: зареванная Роза сидит на полу, прижавшись спиной к кровати, и зажимает себе рот ладонью, дабы всхлипывания не были мне слышны. От такой картинки я едва сама не заревела и уже подняла руку, чтобы вновь постучаться, как вдруг по ту сторону двери раздался такой громкий стук, будто в дверь с силой запустили стеклянной вазой, и последовавший за ним звон рассыпающихся осколков. Я вскрикнула и резко отпрянула от двери. И тут же уперлась спиной во что-то мягкое, оказавшееся для меня настолько неожиданным, что от испуга я заорала, резко дернулась, теперь уже вперед, и шибанулась лбом в дверь.

– Кариньо, кариньо![4] Ке те паса?! Что слю-учи-илос?!

Этим «мягким», на что я наткнулась, оказался муж, который незаметно для меня подошел сзади. Я развернулась к Антонио и, прежде чем ему ответить, приложила ладонь к груди и сделала два глубоких вдоха, чтобы немного прийти в себя.

– Ты… Ты меня напугал. Я испугалась. Боюсь. Тенго мьедо, понимаешь?

– Извини, – повинился Антонио и растерянно хлопающими ресницами и сокрушенно поджатыми губами стал чем-то похож на провинившегося ребенка. – Я не хотель дать тебе… как это сказать… страх? Да, страх.

– Ладно, проехали, – махнула я рукой. Муж повторил за мной слово «проехали» с вопросительной интонацией, явно не понимая его значения, но мне было не до просветительских работ в области русского языка, меня волновало другое.

– Там Роза плачет, – ткнула я пальцем в закрытую дверь.

– Роза? – удивился муж. – Роза в доме. В другом доме, да. Здесь – нет.

– Но там кто-то плачет! Женщина! Если не Роза, то кто?!

– Женсчина? Плачет? – забормотал Антонио, удивленно округляя и без того большие глаза. И неясно было, то ли он переспрашивает, потому что не понял, о чем я говорю, то ли понял и очень удивился тому, что кто-то плачет в гостевой комнате. Но все же прислонился ухом к двери и с полминуты послушал.

– Не плачет, – повернулся он ко мне.

– Сейчас – нет, но раньше плакал! Раньше, понимаешь, до того, как ты пришел! У тебя есть ключи? Надо открыть комнату и посмотреть!

Я для надежности изобразила жестом, что нужно отпереть дверь. Антонио вскинул брови и развел руками:

– Не надо ключ! Правда! Эта комната откры-ти. Да, я так сказаль?

– Ни фига она не открытая, – пробубнила я себе под нос и машинально нажала на ручку, как делала и раньше. И дверь вдруг поддалась мне на удивление так легко, что я, никак не ожидавшая того, что она откроется, чуть не упала внутрь комнаты, спасибо, благоверный вовремя ухватил меня за талию одной рукой, а второй быстро нажал выключатель.

– Господи, – только и нашла что сказать я. Открытая дверь, которая всего минуту назад была заперта. И совершенно пустая комната. Никого. Никого, кто бы мог в ней так громко и отчаянно рыдать. И даже не было осколков от разбившегося стеклянного предмета. Ничего.

– Кариньо… – посмотрел на меня с укоризной муж. Я покачала головой, не зная, что ему ответить. На всякий случай цепким взглядом окинула небольшое освещенное помещение, надеясь увидеть запасной выход, но ничего похожего не обнаружила.

---

[4] Ласковое обращение в Испании.

– Но ведь… Правда! Я слышала! Женщина плакала. А потом что-то разбила! Такой стук был, ты должен был слышать, ведь в этот момент уже был за моей спиной! Ты ведь слышал, да? – эмоционально забормотала я, но Антонио лишь качал головой, то ли не понимая мое тарахтение, а если и понимая, то не веря мне.

– Дзынь! Слышал такое, да? Антонио! Бум, а потом дзынь? Ну скажи, что слышал! – взмолилась я, но муж обнял меня и ласково привлек к себе.

– Кариньо, вамос. Спать. Да, идем. Идем, кариньо. Ты… это, усталь. Да?

– Я есть хочу. Кушать, – буркнула я, запоздало вспомнив о первоначальной цели своего путешествия по дому.

– Кушать? Сейчас? – удивился он.

– Ну да, а что? Я не ужинала. И хочу кушать. Пойдем на кухню? Вместе? Я боюсь одна. Ну давай же идем, только бутерброд – и все.

Я потащила его за собой за руку с упрямством ребенка, который тащит мать к витрине с игрушками. Антонио не стал мне перечить и послушно пошел за мной, однако про себя, наверное, удивляясь моей странной манере перекусывать по ночам.

В холодильнике я, проигнорировав какие-то пластиковые коробки с едой, нашла нарезку хамона (мясо вяленого окорока) и сыра. И положив все это великолепие на длинный овальный ломоть дырчатого хлеба, уселась за стол. Антонио сел напротив и, подперев кулаками подбородок, с умилением, как на экзотичную обезьянку, уставился на меня.

– Что? – смущенно улыбнулась я ему, энергично жуя.

– Ничего, – усмехнулся он. – Ты очень красивый, Даш-ша, да. И это… как сказать… смешной, да?

– Красивая и смешная, – педантично поправила я его. Если муж хочет говорить по-русски, то пусть прислушивается к правильному произношению.

– Тебе не нравится платье? – огорченно спросил он, и я чуть не подавилась бутербродом. Очень своевременный вопрос, я что, и ночью, для того чтобы, например, выйти в туалет, должна рядиться в старомодное тряпье, очень неудобное к тому же?

– Нет, – честно ответила я ему. И раз уж начала эту тему, решила развить ее: – А тебе нравится? Но почему?

– Я… как это сказать… – пощелкал пальцами Антонио, подбирая слова. – Мне нравится эта мода. Я не люблю мода, который есть сейчас. Мне не нравится девушка в брюки, да? Девушка в юбка – секси. Ты очень секси, Даш-ша, когда в платье.

Вот уж приехали – «секси», с подплечниками-подушками. Я напоминала себе деревянного солдатика в мундире. Не знаю, почему возникло такое сравнение. И вообще, где муж откопал это убожество?

– Чье это платье, Антонио? – подозрительно спросила я, откусывая большой кусок от стремительно заканчивающегося бутерброда. Лучше уж говорить о странном увлечении мужа старой модой, чем думать о плаче в пустой комнате. От воспоминаний о недавнем эпизоде холодок прошелся по позвоночнику, и я зябко поежилась.

– Не понимаю, – развел руками муж и скорчил мне сокрушенную мину, будто и в самом деле не понял моего вопроса. Понял, понял, не так уж плохо ты знаешь русский, пусть и коверкаешь слова и падежи игнорируешь, но понимаешь, понимаешь!

– Откуда платье? Где ты взял его? – терпеливо повторила я, поменяв вопросы, но оставив их смысл.

Муж неопределенно махнул рукой куда-то в сторону и загадочно улыбнулся. Ну и как это расценивать?

– Антонио!

– Купиль, – повинился он. – Я купиль в один магазин. Старый магазин, старая мода. Я купиль целый этот… как сказать, чемодан, да?

В этот раз я уже закашлялась, все же подавившись остатками бутерброда. Целый чемодан такого тряпья?! Ч-черт, и он что, заставит меня носить все это, делая из меня посмешище? Представляю, что могу обнаружить в этом чудо-чемоданчике! Вот уж поистине пролегла между нашими поколениями трещина непонимания. Я, как современная девушка, хоть и не особо увлекалась модой, но старалась придерживаться ее, а мой муж, человек другого поколения, похоже, слишком увяз в моде его молодости. Ну если не юности, то такой, зрелой молодости. Когда там у нас носили подобные платья? В восьмидесятых? Или в семидесятых? Или все же в девяностых? Я не очень разбиралась в старомодных тенденциях, поскольку тогда была еще мелкой и наряды мне подбирала мама.

Муж подскочил ко мне и захлопал по спине, помогая прокашляться.

– Антонио, – прохрипела я, вытирая рукой слезы с лица, к которому от натужного кашля прихлынула кровь. – Я тебя правильно поняла, ты купил мне чемодан старых платьев? Но зачем?

Каждое слово я произнесла четко и раздельно, сопровождая их жестами, думая, что так муж меня лучше поймет. Антонио присел передо мной на корточки и, глядя мне прямо в глаза, взял за руку и серьезно произнес:

– Кариньо, я куплю тебе много одежда. Новая одежда, какую хочешь. Завтра, да? Но у меня есть маленький… как это сказать… капричо?

– Каприз.

– Да, каприс. Мне нравится старый мода. Я говориль. Ты можешь делать мне маленький каприс? Ты краси-ва-я, да? Правильно говорю? – Я кивнула, и он, воодушевившись, продолжил: – Ты красивая в старый платье тоже, мне нравится. Я прошу маленький игра: ты и-ногда одеваться в новый старый платье, да?

– Секси, – усмехнулась я. Мой муж, оказывается, своеобразный фетишист, раз его так заводят древние тряпки. Или есть какая-то тайная причина, объясняющая его странное пристрастие? Нет, нет, лучше не копаться в его прошлом, я не любительница «археологических раскопок», всегда придерживалась мнения, что все, что было, прошло. Для моего же спокойствия лучше.

– Секси, – с улыбкой кивнул он мне, решив, что мы таким образом договорились. Я иногда наряжаюсь в старые платья, а за свой маскарад в итоге получаю фантастический секс, какой у нас был этой ночью. – Идем спать, кариньо? – кивнул в сторону выхода Антонио, поняв, что я не собираюсь снова лезть в холодильник. Я кивнула и встала. Он взял меня за руку, как ребенка, и повел за собой. Дом спал. Но когда мы поднимались по лестнице в спальню, мне послышался какой-то шорох за спиной. Вздрогнув, я непроизвольно сжала ладонь Антонио и резко оглянулась. На нижней ступеньке сидела кошка – моя вчерашняя «знакомая» – и провожала нас внимательным взглядом.

– Что ты, Даш-ша? – оглянулся муж, желая увидеть, что меня испугало.

– Ничего, – покачала я головой и, помедлив, добавила: – Услышала шум. Но это, кажется, кошка.

– Кошка? В доме нет кошка, кариньо.

Я не стала с ним спорить, потому что, когда оглянулась повторно, кошки уже не было.

Утром моя ночная история с плачем в пустой комнате казалась малоправдоподобной. И не факт, что она мне просто не приснилась. Антонио не заговаривал об этом, будто ничего и не было. Не обмолвились мы и о нашем ночном разговоре в столовой про одежду. Позавтракав кофе и бутербродами, радостные в предвкушении субботней прогулки, мы сели в машину и отправились в Барселону.

У нас были свои любимые уголки. Я, разглядывая в окно гористые испанские пейзажи, вспоминала мою первую поездку в Барселону и с волнением предвкушала встречу с некото-

рыми уже знакомыми мне местами, будто ожидая встречи с хорошими друзьями после долгой разлуки. Вероятно, Антонио думал о том же, потому что через некоторое время молчания он повернулся ко мне с улыбкой и спросил:

– Помнишь, Даш-ша?

Я приникла к окну. Мы уже были в городе и въехали на дорогу, которая, чуть попетляв, обрывалась у подножия горы. Дальше – пешком. Я это уже знала.

– Помнишь? – повторил Антонио, так и не дождавшись ответа.

– Помню, – выдохнула я, чувствуя, что мое сердце звучит куда громче, чем голос. Памятное место.

Мы вышли из машины и, взявшись за руки как влюбленные школьники, отправились пешком в гору. Долгий, но пологий подъем – и мы окажемся на самой вершине. На том месте, на котором в начале марта Антонио просил моей руки. И тот мартовский солнечный день так ясно встал в памяти, будто это было не восемь месяцев назад, а вчера. Это был мой предпоследний день каникул в Барселоне. Я остановилась в отеле, в котором у меня был забронирован номер по туристической путевке, но практически не жила там, только ночевала и принимала душ. А все время, с раннего утра до позднего вечера, мы гуляли вместе с Антонио. Наши отношения за эти пять дней все еще оставались на уровне платонических: Антонио с его некоторой старомодностью не хотел форсировать события, давая мне привыкнуть к нему. После наших прогулок он провожал меня в отель, прощался двумя целомудренными поцелуями в щеки и уходил. В то время он все еще снимал квартиру в Барселоне, потому что в доме велись ремонтные работы. На квартиру он меня не приглашал, видимо, не желая оскорбить недвусмысленным намеком, который таило бы в себе подобное приглашение. Его очень беспокоило: вдруг мне не понравится страна. И это беспокойство прорывалось в постоянных вопросах:

– Даша, тебе нравится Барселона?

– Да-да, конечно, нравится, – говорила я, счастливо жмурясь от солнышка.

– Даша, ты могла бы жить в Испании?

– Не знаю, не думала, – со смехом отвечала я и, увидев тень огорчения на его лице, веселилась еще больше: – Это счастливая страна, Антонио! Да, я, наверное, была бы счастлива! Я сейчас очень-очень счастлива!

И так на протяжении пяти дней. Прогулки, бесконечные экскурсии. И по туристическим местам – собор Святого Семейства, бульвар Рамблас, архитектура Гауди, которую я почему-то про себя окрестила «пряничной», гора Монтжуик с самой настоящей древней крепостью, магические фонтаны, завораживающие своей фантастической красотой, – спектакль из света, воды и музыки. И просто поездки по побережью, прогулки под шепот моря, узкие старинные улочки маленьких приморских поселков, обеды, ужины в известных лишь местным жителям ресторанчиках. Времени было так мало, а увидеть хотелось все. Поэтому жалко было тратить время на сон, так что ранние подъемы мне давались почти без труда.

В тот предпоследний день, о котором я сейчас вспомнила, поднимаясь с Антонио в гору, он приехал к отелю очень рано, а я, наоборот, немного опоздала.

– У меня сюрприз, кариньо, – нервничая, сказал он. И на все мои расспросы, что это за сюрприз, ответил, что я сама все узнаю – потом, когда придет время. Антонио привез меня на эту гору, откуда открывался вид на еще только просыпающуюся Барселону.

– Тебе нравится, кариньо? – с таким волнением, будто дарил мне этот город, спросил он.

– Да, очень, – ответила я, завороженная открывающимся видом. Весь город, залитый золотым светом утреннего солнца, будто на ладони, а вдали ярко-синее небо сливается в романтичном поцелуе с морем.

– Даш-ша, ты хочешь жить со мной? Ты хочешь стать моей женой?

И хоть я, возможно, ожидала от него подобного вопроса, все равно он прозвучал для меня слишком неожиданно.

– Я? Ты спрашиваешь меня?..

Антонио, не найдя от волнения слов, просто кивнул.

Я не смогла ответить «нет», ошеломленная и очарованная этим жестом: с отчаянной смелостью рыцаря он бросил к моим ногам не цветок, а гордый город. И я, влюбленная не столько, может быть, в Антонио, сколько в его страну, в Барселону, ответила «да». В ту ночь мы стали впервые близки.

Свадьбу играли летом в Москве. Это была довольно скромная и скорая свадьба: со стороны Антонио никого не было, с моей стороны – семья и несколько подруг. Через неделю после торжества муж вернулся в Испанию, а я осталась ожидать визу, которая бы позволила мне въехать в страну, чтобы здесь уже подавать документы на жительство.

Вот такие воспоминания нахлынули на меня, когда я вновь, во второй раз, смотрела на распростертый у моих ног солнечный город. Мы провели на горе, наверное, целый час, отдавшись охватившим нас сентиментальным чувствам и вспоминая мою первую поездку в Барселону, нашу свадьбу и тот день, когда Антонио попросил моей руки.

– Это красивый день, кариньо, – сказал он мне, когда мы уже сели в машину, чтобы отправиться на поиски ресторана. И я согласилась с ним, не уточняя, какой день он имел в виду – сегодняшний или тот. Эти два дня будто слились в один, одинаково красивые и счастливые.

После, во время обеда в ресторане, когда мы уже ожидали десерта, Антонио вдруг сказал:

– Ми должен идти домой, Даш-ша. Скоро.

– Уже? – огорчилась я. Возвращаться домой мне не хотелось, я надеялась, что мы отправимся еще куда-нибудь, например, прогуляться по центру Барселоны. Но муж, прочитав так явно написанное на моем лице разочарование, улыбнулся:

– Это сюрприз, Даш-ша. Ты хочешь знать испанский?

Странный вопрос! Не просто хочу, это необходимость.

– У тебя есть учи-тель-ница, – важно произнес Антонио, тщательно выговорив последнее слово.

– Уже?! – не поверила я. В письмах эту тему мы обсуждали, что мне потребуются курсы или преподаватель. Похоже, Антонио решил эту проблему куда оперативнее, чем я ожидала.

– Уже! Сегодня она придет к тебе. Ми должен идти домой, кариньо. Ти довольный, да?

– Ух! – выдохнула я вместо ответа и засмеялась.

– Поцелуй, – указал пальцем на щеку Антонио, и я, обняв его, с чувством оставила отпечаток губ на его коже.

– Сюда. – И он указал на свои губы.

– И сюда, – со смехом согласилась я и одарила его долгим поцелуем. Мое настроение отплясывало самбу. Я не пожалею целую горсть монеток-очков в мешочек моей «влюбляемости» в мужа. В этот раз мне казалось, что мой воображаемый мешочек уже полон до краев и я, без сомнений, влюблена в Антонио.

Любовь Федоровна – так звали мою учительницу испанского языка – оказалась женщиной немолодой, но при этом очень энергичной, перенявшей за годы жизни здесь испанскую манеру говорить громко и быстро и европейское предпочтение при выборе одежды в сторону простоты и удобства. Одета она была в свободные джинсы и легкую куртку-ветровку поверх блузы. В руках Любовь Федоровна сжимала мотоциклетный шлем, что заставило меня посмотреть на нее с уважением: я панически боялась езды на мотоциклах. А Любовь Федоровна, несмотря на свой возраст – около или слегка за шестьдесят, нет.

– Здравствуйте, Даша, – поздоровалась она со мной бодрым и поставленным голосом, с несколько раскатистым «р», видимо, тоже уже на испанский манер. – Я буду давать вам уроки языка три раза в неделю, Антонио уже сказал об этом?

– Да, – ответила я. По дороге домой муж немного рассказал о том, что нашел учительницу, которая будет давать мне частные уроки прямо на дому. Такой выбор Антонио мотивировал тем, что занятия, проходящие индивидуально, куда эффективнее, чем занятия в классе, в котором человек двадцать, не меньше. А то, что учительница будет приезжать к нам домой, так это тоже для моего удобства: до Барселоны на электричке больше часа езды, город я знаю плохо и могу потеряться. Муж обещал, что учительница мне обязательно понравится.

Любовь Федоровна мне правда понравилась и как человек, и как преподавательница. Объясняла она очень хорошо и готова была повторять мне еще раз и еще, если я что-то не понимала.

– Не стесняйтесь, деточка, задавать вопросы! Для этого мы с вами и занимаемся, – сразу сказала она мне, когда мы поднялись наверх в салон, где собирались провести первое занятие. Антонио поинтересовался, не хотим ли мы кофе, но Любовь Федоровна замахала на него руками:

– После, после! Вначале – занятия.

Она привезла мне кое-какие учебники, которые я с интересом бросилась рассматривать.

– Вначале, деточка, мне нужно протестировать вас, чтобы понять ваш уровень языка.

– Нулевой, – улыбнулась я, но она категорично отмела мой ответ:

– Нулевой, если вы и букв не знаете, а вы, я так понимаю, немного общаетесь со своим мужем. Покажите мне ваш учебник, хочу видеть, что вы изучили самостоятельно.

Я послушно сходила в свою комнату и принесла учебник. Любовь Федоровна пролистала его, задержала взгляд на заложенной мною странице и подняла на меня оживленно блестевшие глаза:

– Ну что ж, Дарья, кажется, неплохо.

После ухода Любови Федоровны Антонио долго с интересом расспрашивал меня о занятии. Мы сидели с ним в гостиной на первом этаже, пили кофе с молоком, принесенный Розой, и я, бросая довольные взгляды на стопку учебников, оставленных мне преподавательницей, с гордостью рассказывала о том, что тест выполнила почти весь. Конечно, он был несложный, рассчитанный на учеников, только начавших изучать язык, но все равно было приятно осознавать, что я не села в лужу. «Прекрасно, деточка! Дело у нас будет спориться, я в этом ни капельки не сомневаюсь», – на прощание похвалила меня Любовь Федоровна. И я уже, признаться, немного скучала по ней и ждала, когда наступит послезавтра – понедельник, день следующих занятий.

– Антонио, хочешь, Любовь Федоровна будет учить тебя русскому языку? – осенила меня идея, но муж недоверчиво рассмеялся:

– Я учусь, когда разговариваю с тобой. Ты – моя учитель-ница. Я правильно сказал?

– Правильно. Но Любовь Федоровна знает испанский язык, она может лучше меня…

– Мне нравится слушать тебя, – перебил меня муж. Встав с дивана, он поставил чашку на край каменного стола с телевизором и, повернувшись ко мне, твердо закончил: – Эта женщина, Любофь, да? Она для тебя. Все.

И прежде чем я что-либо успела спросить или сказать, сменил тему:

– Мне надо работать, кариньо. Ты можешь делать что хотишь.

– Хочешь, – машинально поправила его я.

– Да, хочешь. Я иду работать, хорошо?

Он, после того как я кивнула, поцеловал меня в нос и ушел наверх, в свой кабинет. Я так поняла, что Антонио просматривал какие-то документы или статистики – что-то об этом он говорил по дороге домой. Но если честно, мне до сих пор было не очень понятно, чем занимается мой муж. Бизнес. Со слов Нины – винный. Да и Антонио на мои вопросы в письмах тоже ответил, что занимается поставками вин в разные страны. Я мало что понимала в бизнесе, вернее сказать, ничего. Поэтому и не лезла с лишними расспросами. Захочет – расскажет сам.

Я полистала учебники, думая, не проявить ли инициативу и не выучить ли самостоятельно какой-нибудь урок, чтобы порадовать им в понедельник Любовь Федоровну, но после недолгих раздумий решила позвонить маме, поделиться новостями о новой учительнице, а потом просто почитать что-нибудь для души. Я собрала разложенные по дивану учебники и отправилась в свою комнату. Сложив книги на трюмо, взяла мобильный и набрала номер мамы.

Говорили мы немного, потому что международные переговоры съедали аховые суммы. Хоть мама и обещала периодически пополнять мой московский телефонный счет, все равно долгие разговоры солидно ударили бы по карману. Надо поговорить с Антонио, может, он знает, как звонить за границу дешевле.

– Все у меня хорошо, мама! – бодро закончила я.

– Ты не скучаешь? – спросила на прощание она.

– Нет-нет, что ты! – торопливо успокоила я ее. И, переведя взгляд на подоконник, ойкнула от неожиданности, увидев уже знакомую кошку, которая, казалось, внимательно вслушивалась в мои слова. Но, присмотревшись, я поняла, что приняла за кошку белую вазочку, стоявшую на окне.

– Даша, что случилось? – тут же встревожилась мама.

– Ничего, ничего. Показалось. Просто показалось, – ответила я, однако с некоторыми сомнениями, потому что короткая занавеска чуть всколыхнулась, будто кто-то ее задел.

IV

Последующие дни оказались похожими друг на друга, словно написанными под копирку. Когда я просыпалась, Антонио дома уже не было. Возвращался он довольно поздно, и я целыми днями была предоставлена сама себе. Мой день начинался с позднего завтрака, который состоял в основном из чашки кофе с молоком или какао, поджаренного тоста с джемом или круассанов. Затем я принимала душ и после него бралась за учебник испанского языка. До обеда, который неизменно начинался в два часа, училась или читала художественные книги, привезенные из России. Занятия с Любовью Федоровной были назначены на послеобеденные часы по понедельникам, средам и пятницам. По вечерам я гуляла в саду, а затем в своей комнате вновь делала задания или просто читала.

Антонио звонил мне при любой возможности, иногда по несколько раз на дню. Он подарил мне новенький мобильный телефон с испанской сим-картой, и наши телефонные разговоры теперь не были разорительными. Я пользовалась своим стареньким телефоном с московской симкой лишь для коротких разговоров с мамой, чтобы сообщать, что у меня все в порядке. Мама каждый раз задавала три обязательных вопроса: не скучаю ли я, хорошо ли ем и сплю? И на все вопросы я отвечала утвердительно, практически не обманывая ее. Скучаю? Нет, мне некогда, усиленно занимаюсь языком. Хорошо ли кушаю? О-о, объедаюсь! Роза готовит чудесные обеды: мясо, жаренное или приготовленное на гриле, соусы, гарниры из фасоли, чечевицы или картофеля, овощи и десерты. Обманывала я маму, лишь говоря о хорошем сне: мне не хотелось признаваться в том, что со дня приезда стала страдать бессонницей. То долго не могла заснуть от холода, которому, казалось бы, и взяться было неоткуда: толстые стены должны были надежно удерживать тепло от растопленного камина и современных электрических батарей. Но холод непостижимым образом проникал под толстое одеяло и ощупывал меня ледяными пальцами, не давая уснуть. А если я засыпала, то потом обязательно просыпалась, но уже не от холода, а от посторонних шумов. Тихая, едва слышимая музыка, льющаяся то ли из коридора, то ли с верхнего этажа. Что-то из классики, навязчивое и прилипчивое. И я уже не могла понять, слышу ли эту мелодию каждую ночь, потому что она и впрямь где-то звучит, или она, привязавшись ко мне, раздается в моей памяти. Убаюкивающий мотив, однако же, напротив, будил меня, но оставался неслышимым для крепко спящего рядом Антонио. В одну ночь я отважилась и, превозмогая страх, вышла в коридор, чтобы узнать источник музыки. Но в коридоре было тихо. Когда я вернулась в спальню, проснулся потревоженный мной муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.